

УДК 821.512.157.06-13

П. В. Сивцева-Максимова

ЭПИЧЕСКАЯ ЖАНРОВАЯ ОСНОВА ПОЭМ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ И. В. ПУХОВА)

Представлен анализ работы И. В. Пухова (1904-1979) «От фольклора к литературе», где доказывается фольклорная основа поэм А. Е. Кулаковского и П. А. Ойунского. Раскрывается самобытная авторская концепция в анализах динамической связи мифов и преданий с образами якутских поэм. Существенное значение творчества Кулаковского подчеркивается признанием авторского стиля, что раскрывается в трех основных исследовательских ракурсах его произведений (фольклорной формы, структурных компонентов стиха, поэмого образа). Фактически он называет его основоположником якутской литературы и доказывает влияние его поэзии на последующие поколения. На этом постулате строится анализ драматической поэмы «Красный шаман». Актуальным в представленных исследованиях является убедительное доказательство Пуховым своеобразия мифологических и фольклорных образов, раскрытие идеи и философских инносказаний в монологах и репликах персонажей П. А. Ойунского. Исследователь делает новаторские выводы относительно образной системы поэмы, приемов введения, наделения конкретными функциями и подтекстами частных эпизодов преданий. Резюмируется, что положительное отношение Пухова к сложным произведениям якутской литературы основано на исключительном знании фольклора и культуры. Он подчеркивает в композициях поэм мотивы олонхо, в системе образов – мифологические истоки; в художественной идее – реалистические тенденции раскрытия темы. В этом заключаются его глубокие знания фольклора и особая методология исследователя произведений художественной литературы.

Ключевые слова: эпосовед, якутская литература, фольклор, миф, легенда, олонхо, поэма, фольклорная основа, образ, сравнительное изучение.

P. V. Sivtceva-Maksimova

Epic genre basis of poems of the early twentieth century (based on research materials of I. V. Pukhov)

In the analysis of the work by I. V. Pukhov (1904-1979) "From folklore to literature" the folklore basis of poems of A. Y. Kulakovsky and P. A. Oyunsky is proved. The author's original concept in analyses of dynamic communication of myths and legends with images of the Yakut poems revealed. Essential value of writing of Kulakovsky is emphasized by recognition of author's style that reveals in three main research foreshortenings of its works (a folklore form, structural components of a verse, image of the poem). Actually he calls him the founder of the Yakut literature and proves influence of his poetry on next generations. The analysis of the drama poem "Red Shaman" is based on this postulate. In the presented researches the convincing proof of Pukhov originalities of mythological and folklore images, disclosure of idea and philosophical allegories in monologues and remarks of characters P. A. Oyunsky is modern. The researcher comes to innovative conclusions regarding figurative system of the poem, methods of introduction, giving concrete functions and implications, providing subtexts in the private episodes of legends. It is summarized that Pukhov's positive attitude toward difficult works of the Yakut literature is based on exclusive knowledge of folklore and culture. He emphasizes olonkho motives in poem compositions, mythological sources in the system of images; realistic tendencies of disclosure of a subject in the artistic idea. Therein is his profound knowledge of folklore and special methodology as the researcher of fiction.

Keywords: expert in epic poems, Yakut literature, folklore, myth, legend, olonkho, poem, folklore basis, image, comparative study.

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., проф. каф. якутской литературы, зав. научно-исследовательской лабораторией «Проблемы текстологии и литературной критики» при Институте А. Е. Кулаковского СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: smpv50@mail.ru

SIVTCEVA-MAKSIMOVA Praskovia Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of Yakut literature, head of Research laboratory "Problems of textual criticism and literary criticism" at the A. E. Kulakovsky's Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

E-mail: smpv50@mail.ru

Введение

Иннокентий Васильевич Пухов (1904-1979) – автор фундаментальных работ по якутскому эпическому сказанию якутов и сравнительного олонховедения. Его монография «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы» является исследованием поэтики древнего эпоса и представляет классический труд по изучению уникального жанра якутского устного народного творчества. В своих работах «он свободно оперировал глубокими познаниями мировых эпосов, их происхождения и бытования», – подчеркивает В. Н. Иванов, и основательно подтверждает, что в отдельных статьях «он показал свою эрудицию и принципиальность в решении вопросов мирового эпосоведения» [1, с. 7]. И. В. Пухов известен как исследователь широкого профиля: переводчик эпических произведений, научный редактор серьезных работ по фольклору и литературоведению, организатор и руководитель исследовательских проектов. В его литературоведческих статьях главное внимание уделяется раскрытию национальных образов в крупных поэтических произведениях начала XX в. Особенно значимы его убедительные выводы и положения о творчестве А. Е. Кулаковского и П. А. Ойунского.

Проблемы литературоведения рассматриваются крупным эпосоведом в работе «От фольклора к литературе». Издание осуществлено в 1981 г., редактор: В. В. Тищенко. В главах этой книги – «Заметки о поэзии А. Е. Кулаковского», «Красный шаман» П. Ойунского и якутский фольклор» авторская концепция развивается в русле изучения фольклорных основ поэм якутских писателей. Если его труды по фольклору находятся в центре внимания специалистов не только России, но и далеко за ее пределами, то литературоведческие материалы из обширного наследия ученого все реже упоминаются в работах филологов, что однозначно несправедливо по отношению к его значительным и оригинальным исследованиям.

Работы И. В. Пухова в свете идей сравнительного изучения художественных образов

Литературоведческая значимость рассматриваемых глав его книги заключается в раскрытии динамики перехода поэтических образов из устного народного творчества в главные смысловые координаты поэтических произведений якутской литературы. В этой связи следует напомнить определение А. Н. Веселовским перспективных задач изучения поэзии и ее истоков. Он называет главными принципами исторической поэтики «генетическое объяснение поэзии как психологического акта, определенного известными формами творчества, последовательно накапливающимися и отлагающимися в течение истории». Далее подчеркивает, что поэзия как живой процесс совершенствуется «в постоянной смене спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс», и в этой смене вырабатываются ее характерные закономерности и художественные особенности [2, с. 83].

Своеобразие авторского стиля А. Е. Кулаковского И. В. Пухов определяет тем, что он, «опираясь на форму народной поэзии, первым реформировал ее, совершил переход от народной песни к поэзии как «литературному роду». В этом исследователь видит огромную заслугу А. Е. Кулаковского перед якутской литературой, перед национальной культурой своего народа» [3, с. 53]. Существенное значение его творчества, таким образом, подчеркивается в однозначном признании авторского стиля. Как указывают в заключительной статье В. В. Тищенко и Н. Н. Тобурокова в книге «От фольклора к литературе», «наблюдения над поэзией А. Кулаковского ранее нигде не издавались» [3, с. 123]. Это дает основание предположить, что рассматриваемая нами работа И. В. Пухова написана до 1960-х гг. Здесь автор не ссылается на работы других исследователей, не выражает своего мнения по поводу согласия или не согласия с их оценками творчества основоположника якутской литературы. В этом отношении следует иметь в виду, что начиная с середины 1940-х гг., творчество первых якутских писателей, отстраненное от современности еще рапповской критикой в связи с «отсутствием» в их произведениях пролетарской идеологии, получило официальную оценку как буржуазно-националистическое наследие прошлого. Основательные исследования классиков начинаются после выхода постановления Якутского областного комитета КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы» (1962), которое указывало, что «литература и искусство нуждаются в глубокой, убедительной и доброжелательной критике, без нее они не могут правильно развиваться» [4, с. 147-151].

И. В. Пухов в представлении поэзии А. Кулаковского ставит прежде всего целью раскрытие значения его художественного наследия как начало национальной литературы, что однозначно связывается с созданием стиля, основанного на индивидуальном творческом восприятии и различной интерпретации самых существенных и характерных элементов поэтики фольклорного творчества. В «Заметках ...» данная идея раскрывается в трех основных ракурсах научного принципа эволюции литературного творчества.

Во-первых, фольклорный стиль поэта доказывается использованием жанровых форм древних алгысов-мольбы, благословения, заклинания. «Однако, даже в такого рода стихи Кулаковский вносит много своего. Он не просто воспроизводит старинные алгысы, а придает им характер поэтических произведений, которые становятся поэтической интерпретацией народных верований. Поэт в стихах воспевае народные обычаи «приближенно к подлиннику», благодаря чему создается иллюзия культового алгыса, но в поэтическом словесном выражении» [3, с. 22-23].

Во-вторых, авторский стиль, по мнению Пухова, выражается в просветительской идее ряда произведений, а также в обращениях к поэтике народного стиха, где «гиперболизация, повторы, обширные параллелизмы сводятся А. Е. Кулаковским к минимуму, к пределам допустимого в поэзии» [3, с. 53]. Характерным авторским нововведением считается создание поэтом стихотворного повествования. Имеются в виду своеобразные рассказы в стихах философского, социального содержания («Сүүһүн туолбут эмээхсин ырыата» – «Песня столетней старухи», «Тыа дьахтара» – «Улусная женщина», «Куорат кыргыттара» – «Городские девушки»).

В-третьих, в анализе поэмы «Сон шамана» подчеркиваются глубина и многогранность образа шамана, «предсказателя и прорицателя, подернутого мистическим ореолом», а также выход за пределы обычной для А. Е. Кулаковского якутской тематики, ибо в поэме «дается широкая панорама жизни народов мира».

В оценках этого произведения отражается научная ориентация самого И. В. Пухова, чело века, принадлежащего к тому поколению якутских литературоведов, которое входило в науку, имея богатый жизненный опыт. Он являлся одним из ответственных редакторов монографии Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» (1944). В предисловии переиздания этой работы, И. Г. Спиридонов подчеркивает, что ответственными редакторами были выдающиеся ученые: профессор А. Е. Мординов и кандидат филологических наук И. В. Пухов [5, с. 122]. Этот факт научной биографии И. В. Пухова значителен. Монографию об основоположниках якутской литературы Георгий Башарин впервые основательно представил в мае 1942 г. на конференции педагогического института и тем самым объявил открытое противостояние «нигилистической критике» 1930-40-х и вплоть до 1950-х гг. Постановление Якутского обкома партии «о реакционном национализме» идеи и образов произведений первых якутских писателей вышло 1 марта 1943 г. [6, с. 70-73]. Таким образом, первая публикация монографии, ставшей книгой-легендой, связывается с именами выдающихся ученых: Г. П. Башарина, А. Е. Мординова, И. В. Пухова.

В «Заметках...» автор пишет о литературном наследии классика с чувством преклонения перед его именем, но не касается вопросов о спорах по наследству. Хотя через весь материал, представленный исследователем, проходит устойчивый мотив защиты имени и художественного творчества А. Е. Кулаковского, приравниваемый нами основной научной ориентации И. В. Пухова по отношению к его поэзии. Подтвердим это такими местами в книге, как противоречащие друг другу высказывания о главном образе поэмы, где специально уточняются два момента.

Первая цитата: «Шаман нужен был и для отделения образа героя произведения от личности автора. Художественный образ подчинен законам художественного развития, и приходилось считаться не только с налетом мистики, окружающим образ шамана, но и с возможностью гиперболизации, «сгущения красок», predeterminedенных стилем шаманского «видения», шаманской терминологией. Поэтому образ ясновидящего камлающего шамана-провидца нельзя путать с личностью самого автора, тем более отождествлять их. Хотя Кулаковский и раскрывает посредством образа свои основные философские взгляды, все же при анализе «Сна Шамана», рассуждений главного героя, необходимо иметь в виду высказанные выше соображения» (курсив наш – П. С-М.) [3, с. 57].

Вторая цитата: «В поэме «Сон Шамана» автор размышляет о судьбе якутского народа в ирровых катаклизмах времени: с кем идти дальше якутскому народу, чтобы выжить? Прежде

всего Шаман, и он в данном случае отражает взгляды автора, отвергает всякую мысль о создании самостоятельного государства, отвергает во имя того, чтобы жить с крупным народом, пользуясь его покровительством» (курсив наш – П. С-М.) [3, с. 59].

В этой работе И. В. Пухова подтверждаются, таким образом, методологические взгляды знатока художественного творчества и научных исследований А. Е. Кулаковского, носителя народной словесности и культуры, создателя авторских произведений, представляющих начало национальной литературы. А именно доказательное рассуждение о закономерностях эволюции художественного отражения действительности от фольклора к литературе. Но автор «учитывает» основные мотивации обвинения А. Е. Кулаковского в мистицизме и буржуазном национализме.

Незавершенность своих выводов относительно наследства он подчеркивает в названии статьи – «Заметки о поэзии Кулаковского», где конкретно ограничивает не только тему исследования, но и уточняет, можно сказать, его жанровую форму. Между тем, значительность для исследователя личности А. Е. Кулаковского подчеркивается и в статье «Красный шаман П. А. Ойунского и якутский фольклор», которая начинается с основополагающего определения относительно национальной эстетики художественного творчества классика: «Бесспорно, прав якутский критик и писатель Н. М. Заболоцкий, когда говорит, что А. Е. Кулаковский «подготовил последующий этап развития национальной поэзии. В этом его огромная заслуга». А. Е. Кулаковский открыл якутской литературе родной фольклор как неиссякаемый источник поэзии, именно этим он оказал сильное влияние на творчество основоположника советской литературы П. А. Ойунского» [3, с. 62].

До начала анализа статьи И. В. Пухова о драматической поэме Платона Ойунского следует представить главные мысли исследователя об уникальной личности поэта, имя которого как ученого и «крупнейшего знатока фольклора, особенно мифологии и олонхо» непосредственно связывается с древним эпосом якутов. И. В. Пухов приводит два воспоминания современников писателя.

Первое из них относится другу детства поэта К. А. Слепцову: «Часами сидел Платон у моего деда и слушал его импровизации. К 8-9 годам он сам начал сказывать олонхо и петь песни своим сверстникам. Чуть позже мальчика стали охотно приглашать к себе домой взрослые, хозяева юрт. Все находили, что у него хороший голос и незаурядный дар слова». Второе – воспоминание жителя села Чурапча, сделанное им в 1920 г. – приводится со слов народного артиста Якутии В. А. Саввина: «Платон был еще совсем маленький, а уже хорошо сказывал олонхо. Я думал, что из него выйдет знаменитый олонхосут» [7, с. 22-23].

Далее дается уточнение работы П. А. Ойунского над текстом олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», которое исследователь называет «одним из лучших и наиболее популярных якутских олонхо»:

«Судя по всему, записывал он его очень быстро. Начало работы над ним точно не установлено. Первая песнь (всего песней девять) была закончена и напечатана в 1930 г., конец же работы он точно указал в конце девятой песни: «1932 г., 31 августа. Москва». В целом, он писал это олонхо (по календарному времени) не более двух с половиной лет. В годы работы над олонхо он служил (в Якутске), учился в аспирантуре (в Москве), вел напряженную общественную, партийную и творческую работу. Поэтому для написания олонхо у него оставалось совсем мало времени. Помогало, видимо, то, что он, будучи олонхосутом, знал олонхо наизусть и быстро записывал то, что давно отложилось в памяти» [7, с. 24].

Эти убедительные доводы исследователя приводятся им для подтверждения вывода об авторе уникального текста древнего эпоса якутов: «П. А. Ойунский записал свой (практиковавшийся им в живом исполнении и воспринятый в процессе живого исполнения) вариант олонхо о Нюргуне Боотуре, а не просто «сводил» или заимствовал чужие. Таковы некоторые наиболее значительные особенности олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный». Они показывают, что это олонхо целиком находится в пределах традиции якутских олонхосутов и представляет собой один из вариантов народных олонхо, а не «сводный текст», скомпонованный поэтом за столом» [7, с. 27].

И. В. Пухов в автобиографии отмечает: «В течение многих лет работаю над изучением и освещением в печати творчества П. А. Ойунского. Мною напечатано всего около пятидесяти работ о нем» [8, с. 11]. Его литературоведческие исследования художественного наследия писа-

теля являются уникальными по углублению в сложные тексты, разнообразными по направлениям, значительными по объему. И. В. Пухов, составитель научных комментариев, автор статей, монографии, был главным консультантом в работах по переводу на русский язык поэтических произведений и олонхо Платона Ойунского, одним из организаторов их изданий в Москве и Ленинграде. Например, в журнале «Новый мир» [9], в серии «Библиотека поэта» [10]. При этом отличительной основой исследований наследия Платона Ойунского выступает особый контекст анализов И. В. Пухова, знатока фольклора, мифологии, и в этом плане вполне логично воспринимающегося нами как компетентный аналитик уникального художественного наследия классика якутской словесности. Он преклонялся творчеству автора олонхо о Нюргуне Боотуре, что бесспорно подтверждается и в предисловии к комментариям в издании классического эпоса в переводе Владимира Державина на русском языке: «П. А. Ойунский знал и увлекался не только олонхо: он был крупнейшим знатоком всего якутского фольклора. Фольклор оказал на все его творчество исключительное влияние и был той родной почвой, опираясь на которую, он взлетал к вершинам творческих достижений. Разработка тем и сюжетов фольклора привела его к созданию замечательных произведений, среди которых мы видим: драматическую поэму «Красный шаман» (1917-1925), повести «Великий Кудангса» (1929) и «Николай Дорогунов – сын Лены» (1935) [11, с. 419].

На этом постулате и строится его анализ драматической поэмы «Красный шаман». Приведем два основных, на наш взгляд, тезиса из данной работы.

1. «Содержание «Красного Шамана», несмотря на относительно небольшой его объем, довольно сложно» [3, с. 65].

2. «Красный Шаман» – произведение художественной литературы, а не очерк или изложение народных преданий, не описание шаманизма. В нем даны полнокровные образы, взятые из реальной якутской действительности дореволюционного времени» [3, с. 69].

Первую цитату относим к анализу композиции произведения. Пролог драматической поэмы называется исследователем важной частью в раскрытии авторской интенции – в представлении силы слова, произносимого шаманом с целью «вдохновить угнетенных людей на борьбу за свободу». Интересно в этом плане дополнительное авторское уточнение: «Ойунский в течение всей своей жизни много раз говорил о силе, «волшебстве» поэтического слова. Вполне возможно, что, создавая пролог к «Красному Шаману», он думал и о «волшебном слове» поэта-революционера, вдохновлявшего людей на борьбу во имя светлого будущего» [3, с. 65-66]. Начальное действие подчеркивает слитность главного образа с мифопоэтикой произведения; второе действие раскрывает драматизм конфликта Красного Шамана с Оруос Баем и его помощником Шаманом-Лисой. Третье действие – кульминация представленного конфликта. Здесь также «реальные события и образы перемежаются с фантастическими» действиями, и раскрывается «злоба и готовность Оруос Бая не останавливаться ни перед чем, чтобы обуздать свой народ». В заключительном действии происходит «заклинание старинного боевого ножа» как символа кровавой вражды. Но Красный Шаман в этом действии отрекается от своего предназначения. В эпилоге «Кутурхан Куо, девушка, олицетворяющая народную скорбь и мудрость, произносит слова веры в жизнь и в человеческий разум, которые Красный Шаман повторяет как клятву» [3, с. 68]. Таким образом, доказывается логическая последовательность частей, соответствующая жанру драматической поэмы, созданной «в обстановке первых лет Советской власти в Якутии, на стыке старого и нового быта и мировидения» [3, с. 64].

Вторая цитата приводит нас к рассмотрению заглавного образа поэмы как основного явления не только в творчестве П. А. Ойунского, но и в целом якутской поэзии начала века. В этом плане в указанной статье, кроме двух легенд, названных самим автором как художественная основа поэмы, И. В. Пухов рассматривает дополнительно ряд преданий, такие как «Голова Додор», «Грозный голова Огненный Старостин», «Борьба князя Усуктаах Семен с шаманом Хагыстаайы», «Борьба шаманов Хагыстаайы и Хаас Атах», «Предание о шамане Еркин Быраайы».

В результате сопоставительного анализа мифологических и фольклорных образов, раскрытия идеи и философских иносказаний, заключенных в преданиях, он делает интересные, новаторские для своего времени выводы относительно образной системы поэмы «Красный Шаман».

Во-первых, исследователь утверждает, что «... ассоциация со знакомым народу по преданию образом неудачника Кудангса подчеркивает нереальность, неосуществимость претензии Оруос-Бая стать безгранично могущественным» [3, с. 72]. Данный вывод закрепляется И. В. Пуховым сопоставлением Додюса Додора из якутских преданий и Донэ-Баян или Доно из бурятских сказаний, записанных П. П. Баторовым.

В русле данного вывода находятся и образы косарей Оруос-Бая. По этому поводу И. В. Пухов пишет следующее: «Жертвами байской эксплуатации не случайно изображены именно косари. ... В народе создавались мифологические предания о небесных косарях. От скошенного ими сена гибнет байский скот, а на местах покосов не растут ни травы, ни деревья» [3, с. 76].

Во-вторых, И. В. Пухов подчеркивает: «Образ Красного Шамана сложен». И по содержанию произведения П. Ойунского приводит тот факт, что Красный Шаман борется не только с Оруос-Баем, но и с Шаманом Лисой. По данному поводу вывод исследователя следующий: «Это приводит нас к другой группе якутских преданий и рассказов – к легендам о борьбе злых «черных» шаманов между собой», которые служили посредниками между злыми духами и людьми. В этой связи автор дает пояснение о том, что «Белые шаманы служили посредниками между добрыми духами и людьми и между собой не боролись» [3, с. 79]. Таким образом, типологическое сходство Красного Шамана и Шамана Лисы с «черными», злыми шаманами исследователь уточняет классовым противоборством. И к этому прибавляет, что именно шаманы-пожиратели («Сизэмэх ойуун») являлись в преданиях «великими шаманами» [3, с. 82]. Так сложный образ главного героя поэмы, «бесспорно, крупного шамана», выступает в анализе И. В. Пухова носителем идеи «Черного шамана».

В-третьих, интересно рассуждение исследователя об образе «небесного жениха» – Орулуос Дохсун, который перенят из олонхо. Однако, «добрые небесные существа в женихи не приглашаются», поэтому данный образ является отрицательным персонажем.

Так в статье И. В. Пухова раскрываются художественно-эстетические истоки образов поэмы, названной автором «олонхо-тойук». И на этой основе он делает выводы о композиции произведения, где каждое действие составляет как бы отдельный мифологический сюжет. Но в отличие от народных преданий, части поэмы связываются внутренней логикой, не допускающей наличия свободной композиции фольклорных произведений.

В целом И. В. Пухов приводит читателя его статьи к мысли о триедином композиционном, идейно-тематическом единстве поэмы П. А. Ойунского, хотя об этом он конкретных выводов не делает, кроме указания того, что «олонхо помогло реализации идейной основы «Красного Шамана» и дало материал для ряда образов и мотивов, а народные предания послужили каркасом для сюжетной линии» [3, с. 89]. Однако по статье выходит, что в композиции поэмы доминируют мотивы олонхо; в системе образов – мифологические истоки; а художественная идея произведения тяготеет к реалистической тенденции раскрытия темы. Данная сторона художественной ткани поэмы раскрывается в речи персонажей, особенно, в монологах главного героя. И эта особенность не упускается исследователем поэмы. По этому поводу он пишет следующее: «Если камлание при свете тускло мерцающего камелька в полутемной юрте передает обстановку шаманской мистерии в действительной жизни, то в литературном контексте вместо обычных шаманских заклинаний звучат гневные тирады. Они ассоциируются с революционными митингами на больших площадях. Если силы волшебства, превращение в чудовищную птицу передают обстановку, в которой лицедействовали шаманы, то почти чудесное превращение шамана в революционера, борющегося за народ, выковывающего ему оружие для победы, дань в духе революционной романтики того времени, для которой ничего невозможного не было. Но это «романтика» – реалистическая» [3, с. 87].

В этом отношении значительны выводы И. В. Пухова, уточняющие суть образа главного героя поэмы. Это, например, то, что «Красный Шаман в борьбе с Оруос Баем не преследует никаких личных целей». П. А. Ойунский «фактически сохраняет только сам конфликт между шаманом и баем, используя его в иной повествовательной ситуации. Сам Красный Шаман показан не столько как заклинатель и колдун, сколько как глашатай грядущей победы бедноты над богатыми» [3, с. 78]. Также исследователь специально подчеркивает, что поэт «полностью исключил из «Красного Шамана» культовые и ритуальные моменты, оставив только то, что могло бы восприниматься эстетически» [3, с. 92].

В целом в представленных работах И. В. Пухов привлекает особое внимание систематизации сопоставительных и сравнительных материалов в раскрытии стиля писателя, своеобразия художественной структуры и образов, созданных на основе этнографических и фольклорных текстов.

Заключение

Великолепное знание якутского фольклора, богатый опыт разностороннего исследования олонхо в таких его аспектах, как художественные особенности сюжета, образные функции деталей, в том числе значения пейзажа, характеристики персонажей и своеобразия стиха монологов олонхо, послужили основой литературоведческих взглядов И. В. Пухова. Именно Пухов-фольклорист убедительно подтвердил культурологические истоки художественных образов якутской поэзии, раскрыл своеобразие национальной эстетики художественной литературы в ее классических произведениях. При этом он заметно расширил сопоставительный материал из фольклора и представил углубленный анализ авторского стиля А. Е. Кулаковского. Относительно образов поэмы П. А. Ойунского выводы исследователя актуальны в том плане, что намечают новые перспективы сравнительного изучения в практических анализах персонажей как единой художественной системы в границах одного конкретного произведения.

Литература

1. Иванов В. Н. Предисловие. // И. В. Пухов Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск: Изд. «Сайдам», 2013. – С. 7-8.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Москва, 2006. – 688 с.
3. Пухов И. В. От фольклора к литературе. – Якутск, 1980. – 126 с.
4. Сыромятников Г. С. Литературно-художественная критика в Якутии (1939-1975 гг.). – Якутск: Книжное изд., 1990. – 360 с.
5. Башарин Г. П. Три якутских реалиста – просветителя. – Якутск, 1993. – 148 с.
6. Спиридонов И. Г. Г. П. Башарин и литературная критика. // Литературабыт ааспыт үйэтээби түбүктэрэ уонна түмүктэрэ. – Якутск: Изд. Северо-Восточного федерального университета, 2012. – С. 69-75.
7. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск: Изд. «Сайдам», 2013. – 48 с.
8. Р. П. Алексеев үс үйэлээх «Алаатыр Ала Туйгун» олонхото уонна И. В. Пухов / сост. Р. Т. Аммосова. – Якутск: Изд. «Алаас», 2014. – 40 с.
9. Ойунский П. А. Стихи разных лет (перевод И. В. Пухова) // Новый мир. – 1957. – № 12. – С. 98-107.
10. Ойунский П. А. Стихотворения. Вступительная статья С. П. Данилова и Г. Г. Окорочкова / составление И. В. Пухова. Примечания Г. Г. Окорочкова и И. В. Пухова. – Ленинград: Изд-во «Советский писатель», 1978. – 416 с.
11. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов / Ньургун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский / Перевел на русский язык Владимир Державин. – Якутск: Книжное издательство, 1975. – С. 411-422.

References

1. Ivanov V. N. Predislovie. // I. V. Puhov Olonho – drevnij jepos jakutov. – Jakutsk: izd. “Sajdam”, 2013. – S. 7-8.
2. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika. – M., 2006. – 688 s.
3. Puhov I. V. Ot fol’klora k literature. – Jakutsk, 1980. – 126 s.
4. Syromjatnikov G. S. Literaturno-hudozhestvennaja kritika v Jakutii (1939-1975 gg.). – Jakutsk: Knizhnoe izd., 1990. – 360 s.
5. Basharin G. P. Tri jakutskih realista – prosvetitelja. – Jakutsk, 1993. – 148 s.
6. Spiridonov I. G. G. P. Basharin i literaturnaja kritika. // Literaturabyt aaspyt yjjetjejeji tybyktjerje uonna tymyktjerje. – Jakutsk: Izd. Severo-Vostochnogo federal’nogo universiteta, 2012. – S. 69-75.
7. Puhov I. V. Olonho – drevnij jepos jakutov. – Jakutsk: izd. “Sajdam”, 2013. – 48 s.
8. R. P. Alekseev үс үйелеех “Алаатыр Ала Туйгун” олонхото уонна И. В. Пухов. Sostavitel’ R. T. Ammosova. – Jakutsk: Izd. “Алаас”, 2014. – 40 s.
9. Ojunsckij P. A. Stihy raznyh let (perevod I. V. Puhova). // Novyj mir. – 1957. – № 12. – S. 98-107.
10. Ojunsckij P. A. Stihotvorenija. Vstupitel’naja stat’ja S. P. Danilova i G. G. Okorokova. Sostavlenie I. V. Puhova. Primechanija G. G. Okorokova i I. V. Puhova. – Leningrad: izd. “Sovetskij pisatel’”, 1978. – 416 s.
11. Puhov I. V. Olonho – drevnij jepos jakutov / N’urgun Bootur Stremitel’nyj. Jakutskij geroicheskij jepos olonho. Vossozдал na osnove narodnyh skazanj Platon Ojunsckij. Perevel na russkij jazyk Vladimir Derzhavin. – Jakutsk: Knizhnoe izdatel’stvo, 1975. – S. 411-422.

